

УДК 340

ПРАВО КАК МНОГОМЕРНЫЙ ПРАВОПОРЯДОК: ВОЗМОЖНА ЛИ ИНТЕГРАТИВНАЯ КОНЦЕПЦИЯ НОРМАТИВНОГО ПОНИМАНИЯ ПРАВА?

© 2025 г. Е. В. Свинин

Вологодский институт права и экономики ФСИН России

E-mail: evsvinin@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.01.2024 г.

Аннотация. В статье обосновано суждение о том, что понятие права неотделимо от нормообразующей деятельности государства, которая приводит к появлению правопорядка, при этом естественно-исторические процессы развития общества и государства обуславливают различную степень зависимости правовых и иных социальных норм, что может выражаться как в их последовательной дифференциации друг от друга, так и интеграции в единый социо-нормативный комплекс. В современных условиях развития общества наблюдается тесная взаимосвязь правовых норм с корпоративными, религиозными, моральными и техническими нормами. Содержание и характер этой зависимости определяет многомерный характер правового порядка, который может существовать и обеспечиваться лишь за счет симбиоза правовых и иных социальных норм, которые приобретают социально-правовой характер. В результате общее понятие «право» следует трактовать как формируемый государством и иными субъектами правопорядок, выражающийся в комплексе собственно юридических и иных социально-правовых норм, согласованное действие которых способствует появлению «нормативной экосистемы».

Ключевые слова: право, государство, нормативное правопонимание, правовое регулирование, делегированное правотворчество, правообразование, правопорядок, социальные нормы, технико-юридические нормы, законодательство.

Цитирование: Свинин Е. В. Право как многомерный правопорядок: возможна ли интегративная концепция нормативного понимания права? // Государство и право. 2025. № 2. С. 50–59.

DOI: 10.31857/S1026945225020054

LAW AS A MULTIDIMENSIONAL LEGAL ORDER: WHETHER AN INTEGRATIVE CONCEPT OF A NORMATIVE UNDERSTANDING OF LAW IS POSSIBLE?

© 2025 E. V. Svinin

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

E-mail: evsvinin@yandex.ru

Received 09.01.2024

Abstract. The article substantiates the judgment that the concept of law is inseparable from the norm-setting activity of the state, which leads to the emergence of a legal order, while the natural-historical processes of development of society and the state cause – to a different dependence degree of legal and other social norms, which can be expressed both in their consistent differentiation from each other and integration into a single socio-normative complex. In modern development conditions of the society, there is a close relationship between legal norms and corporate, religious, moral and technical norms. The content and nature of this dependence determines the multidimensional nature of a legal order, which can exist and be ensured only through a symbiosis of legal and other social norms that acquire a socio-legal character. As a result, the general concept “law” should be interpreted as a legal order formed by the state and other entities, expressed in a complex of legal and other socio-legal norms, the coordinated action of which contributes to the emergence of a “normative ecosystem”.

Key words: law, state, normative understanding of law, legal regulation, delegated law making, legal education, law and order, social norms, technical and legal norms, legislation.

For citation: *Svinin, E.V. (2025). Law as a multidimensional legal order: whether an integrative concept of a normative understanding of law is possible? // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 50–59.*

Понимание права относится к фундаментальным основаниям юридической науки. В разное время дискуссии о понятии (и содержании) права вспыхивали, угасали и вновь заявляли о себе в полную силу, что представляется нам вполне объяснимым и закономерным процессом, следствием которого является многообразие не только подходов к пониманию права, но и их типологии. Для удобства дальнейшего изложения материала возьмем за основу мнение М.И. Байтина, который считал необходимым разграничивать нормативное и широкое понимание права¹.

В основе широкого понимания права лежит стремление ученых преодолеть недостатки нормативного за счет включения в понятие права различных правовых и неправовых явлений, таких как правоотношения, правосознание, мораль. Таким образом, общее понятие права неизбежно получает интегративный характер, поскольку объединяет в единое целое не только правовые нормы, но и указанные выше явления.

На этом фоне нормативное понимание права может считаться узким подходом, поскольку рассматривает в качестве права лишь юридические нормы, изданные или санкционированные государством. В этой связи вопрос о возможности существования интегративного нормативного понимания права может восприниматься как иллюзия, симулякр. Однако, постараемся показать возможность и необходимость этого подхода к нормативному пониманию права.

Прежде всего, обращаем внимание на то, что нормативное правопонимание рассматривает право как развивающуюся динамическую систему, которая может учитывать разносторонние социальные интересы, отвечать справедливым

требованиям общества. Представляется, что нормативное понимание права выступает достаточно гибким подходом, лишенным чрезмерной жесткости и догматизма.

Государственно-волевой характер является одним из важнейших признаков права. Однако этот признак создает определенные основания для недоверия к нормативизму. Нормативное правопонимание зачастую обвиняют в том, что вместо действительных интересов и воли общества, государство может злоупотреблять своей компетенцией и принимать нормы в угоду узкой группы лиц, тем самым нормативизму приходится «отвечать» за риски возможной аморальности норм, не способности права выступить в качестве нравственного авторитета в обществе.

В этой связи хочется привести слова В.В. Лазарева: «На одном из научных форумов мне был адресован вопрос известного профессора-конституционалиста: не следует ли привлечь к ответственности ученых, которые на протяжении многих лет отстаивали позитивистское понимание права? Отвечая на него, я должен был указать на весьма ограниченное (искаженное) понимание многими авторами философии позитивизма, на смешение позитивистского подхода с легистским, на игнорирование того позитивного, что привнес позитивизм в юридическую науку»².

Соглашаясь с мнением В.В. Лазарева, считаем подобные обвинения несправедливыми. В своем фундаментальном труде М.И. Байтин отмечает, что в настоящее время нормативный подход к праву характеризуется стремлением к полному преодолению отрыва от идей естественной школы права,

¹ См.: Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 54.

² Лазарев В.В. Юридическая наука в свете перспектив цифровизации // Журнал рос. права. 2023. № 2. С. 14.

обеспечению единства естественного и позитивного права в теории и на практике³.

М.И. Байтин справедливо указывает на то, что ряд положений теории естественного права получили свое нормативное закрепление в Конституции РФ. К примеру, ч. 2 ст. 17 Конституции РФ провозглашает, что основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения.

В ст. 6 УК РФ закреплен принцип справедливости, ему вторит ст. 389⁹ УПК РФ, которая регламентирует предмет судебного разбирательства в апелляционном порядке, кроме того, ст. 6¹ УПК РФ закрепляет принцип разумности в виде разумного срока уголовного судопроизводства. Конечно, говорить о полном соответствии действующего права высоким нравственным эталонам нельзя (в том числе в силу неопределенности и противоречивости самих нравственных норм), однако многие нормы российского законодательства отражают и защищают нравственные ценности.

Обращаем внимание на то, что нормативный подход к пониманию права нельзя рассматривать в качестве жесткого, категоричного. Нормативизм «склонен» к уступкам, что ярко прослеживается в используемых различных технико-юридических средствах правовой неопределенности, направленных на обеспечение справедливости в правовом регулировании.

Нормативизм нельзя считать теорией, оправдывающей возведение произвола в форму закона. М.И. Байтин справедливо указывает на то, что в зависимости от того, соответствуют ли нормы права государственной воле общества, отражают ли естественные законы как нравственного основания права, ущемляют или нет права человека, они могут признаваться истинными либо ложными. В последнем случае такие правовые нормы не должны применяться и подлежат в установленном законом порядке изменению или отмене⁴. Существуют различные средства и институты, направленные на очищение права от коррупционных и иных дефектных норм.

Государство, в интерпретации М.И. Байтина, является субъектом, который изучает, познает и выражает волю всего общества⁵. Однако государство не только выражает волю в тех или иных формах, но и в ряде случаев делегирует иным субъектам создавать и принимать нормы права. В этой связи нельзя не вспомнить о муниципальных органах власти, которые не входят в систему

государственных органов, но наделяются нормотворческими полномочиями. В.А. Толстик справедливо указывает, что право населения муниципального образования и органов местного самоуправления принимать муниципальные правовые акты производно от государства⁶.

Характерным примером своеобразной децентрализации нормотворческой деятельности является признание государством правовых обычаев. Общеизвестно, что обычаи формируются в самом обществе без участия государства, последнее признает их правовое значение, допускает существование и обеспечивает своей защитой.

К примеру, обычаи делового оборота формируются в предпринимательской среде. Обратим внимание на одну деталь. Обычаи делового оборота не выражают интересы всего общества, они являются результатом согласования воли и выработки оптимальной практики хозяйствующих субъектов. Большая часть граждан активного участия в создании правовых обычаев не принимает. Несмотря на то что правовые обычаи «не выражают волю всего общества», они выполняют важную роль в правовом регулировании и пользуются поддержкой государства в полной мере.

В ряде случаев фактически правовое значение приобретают обычаи без их прямого санкционирования, но с молчаливого согласия государства. Яркий пример подобной практики приводит Р.Л. Сюкияйнен. Так, основываясь на адатах и отдельных нормах шариата, в Ингушетии на форуме духовного управления были установлены размеры выкупа за причинение телесных повреждений и компенсации за убийство, а также границы брачного дара (калыма). Специально подчеркивалось, что установленные нормы не подменяют собой действующее законодательство, а наоборот, призваны помочь его эффективному применению и борьбе с преступностью. Религиозные руководители и ответственные государственные чиновники Ингушетии не раз подтверждали, что даже при вынесении и исполнении приговоров и судебных решений по делам о причинении телесных повреждений и убийстве, конфликт между потерпевшим и осужденным либо его семьей будет улажен только после предоставления виновным соответствующей денежной компенсации⁷.

Важно учитывать, что понимание права в рамках нормативного подхода основывается на разумной

³ См.: Байтин М.И. Указ. соч. С. 62.

⁴ См.: там же. С. 74.

⁵ См.: там же. С. 60.

⁶ См.: Толстик В.А. Субъекты правотворчества в парадигме юридического позитивизма // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. № 2. С. 154.

⁷ См.: Сюкияйнен Л.Р. Совместим ли шариат с современным российским правом? // Право. Журнал ВШЭ. 2014. № 3. С. 10, 11.

позиции государства, в основе которой сочетание прямого и делегированного нормотворчества. Безусловно, большая часть норм права появляется благодаря прямой воле государства посредством соответствующей деятельности органов власти и должностных лиц, однако в отдельных случаях и формах государство отказывается от прямого регулирования, делая выбор в пользу санкционирования тех правил, которые сложились в обществе, либо наделяя нормотворческими полномочиями других субъектов.

В своей монографии М.И. Байтин предпринял довольно успешно попытку преодолеть узконормативное понимание права, характерное для Г. Кельзена. Благодаря усилиям М.И. Байтина можно увидеть способность нормативизма к «переменам», его толерантность по отношению к теории естественного права, что позволяет охарактеризовать нормативизм как достаточно гибкий подход к пониманию права, лишенный чрезмерной жесткости и догматизма.

В то же время считаем, что ряд положений чистого учения о праве Г. Кельзена сохраняют свой методологический потенциал и имеют право на дальнейшее развитие. Обратим внимание на отдельные положения «узкого нормативизма» Г. Кельзена, которые, как представляется, имеют широкие перспективы для дальнейшего использования в современных условиях.

Важными признаками права являются порядок и принуждение. Г. Кельзен писал: «Ведь если мы сравним предметы, которые в разное время у разных народов обозначались словом “право”, то обнаружим, что во всех случаях речь идет о порядке человеческого поведения. “Порядок” — это система норм, единство которых зиждется на том, что они имеют общее основание действительности, а основание действительности нормативного порядка, как мы увидим, составляет основная норма, из которой выводится действительность всех норм, относящихся к этому порядку»⁸.

Право рассматривается Г. Кельзеном как принудительный порядок. Право реагирует на определенные явления, считающиеся нежелательными (поскольку они вредны для общества), и в особенности на человеческое поведение такого рода, актами принуждения, т.е. причинением зла⁹. Существующий принудительный порядок воспринимается Г. Кельзеном в качестве правопорядка.

Широко известно, что в учении Г. Кельзена право представляет собой иерархическую пирамиду норм. В то же время большое значение уделяется и вопросам делегирования.

Если понимать право как принудительный порядок, тогда основная норма государственного правопорядка формулируется следующим образом: «Принуждение одного человека по отношению к другому должно осуществляться таким образом и при таких условиях, как это было предусмотрено исторически первой конституцией». Основная норма делегирует исторически первой конституции определение *процедуры*, посредством которой должны быть установлены нормы, предусматривающие акты принуждения¹⁰.

Иными словами, действительность принуждения и норм в конечном счете восходит к основной норме и первой конституции, которые делегируют последующим нижестоящим нормам возможность регламентировать вопросы принуждения.

Важно учитывать, что не любое принуждение есть право, а лишь такое, которое исходит от компетентной власти. Так, Г. Кельзен указывает, что тот факт, что кто-то что-то приказывает, — отнюдь не основание для того, чтобы рассматривать это приказание как действительную, т.е. обязывающую адресата, норму. Лишь компетентная инстанция может устанавливать действительные нормы; а такая компетенция может основываться только на норме, уполномочивающей на нормотворчество. Властная инстанция, уполномоченная устанавливать нормы, подчинена этой норме точно так же, как индивиды подчинены нормам, установленным этой инстанцией¹¹.

Здесь переходим к очень важному выводу, который делает Г. Кельзен. Как представляется, соответствие нижестоящих норм вышестоящим и основной норме не является исключительно механической, статичной системой, в которой есть четкие и однозначные признаки соответствия или несоответствия предписания. По Кельзену, нормативная система является динамической.

Нормативная система, которая представляет себя в качестве правопорядка, имеет в основном динамический характер. Правовая норма действительна не потому, что она имеет определенное содержание, т.е. не потому, что ее содержание можно вывести логическим путем из содержания предпосылаемой основной нормы, а потому что *она создана определенным (в конечном счете предусмотренным основной нормой) способом*¹².

Если государственная власть действует в соответствии с конституцией, то ее следует считать компетентной и правомочной. Если эта власть устанавливает определенные формы права

⁸ Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. 2-е изд. СПб., 2015. С. 46.

⁹ См.: там же. С. 48.

¹⁰ См.: там же. С. 68.

¹¹ См.: там же. С. 241.

¹² См.: там же. С. 246.

и способы его создания, то они считаются действительными. Сформулированное положение является фундаментальным для права и правопорядка, более того, служит основой для разнообразия правовых систем различных стран, в каждой из которых исторически формируется своя система источников права и, соответственно, свой правопорядок.

В учении Г. Кельзена считаем методологически ценными следующие положения. Во-первых, представление о праве как правопорядке. На наш взгляд, это позволяет выработать универсальное представление о праве вне зависимости от правовой семьи и видовых особенностей источников права, которые признаются в конкретном государстве. Во-вторых, правопорядок появляется благодаря системе норм, изданных в рамках установленной конституцией и государством легитимной процедуры. Важное значение имеет соблюдение порядка принятия норм, это обеспечивает их легитимность и системность. В то же время считаем более верным рассматривать право не как принудительный порядок (на чем настаивал Г. Кельзен), а как правопорядок, обеспеченный и гарантированный государством. Гарантированность является более широким понятием, включающим не только меры контроля и принуждения, но и в ряде необходимых случаев меры поддержки и стимулирования.

Как представляется, понимание правопорядка связано с системой различных норм, изданных в рамках легитимной процедуры. Многообразие норм, появляющихся в результате прямого, санкционированного либо делегированного нормотворчества государства, образует правопорядок, который свидетельствует о единстве права в его сущностной основе. Вместе с тем важно вести речь не только о единстве права, но и его разделении.

Полагаем, что расширение практики делегированного и санкционированного нормотворчества обуславливает комплексный характер права, в структуре которого наряду с юридическими нормами следует различать технико-юридические, корпоративно-правовые, нравственно-правовые, религиозно-правовые нормы.

С одной стороны, можно сказать, что отдельные примеры профессионально-этических норм, технико-юридических норм, корпоративного правотворчества являются всего лишь исключениями и не могут служить основанием для далеко идущих теоретических выводов. Право остается правом, мораль — моралью, а корпоративные нормы — корпоративными. Смешение их природы невозможно и недопустимо. Однако, считаем, что естественно-исторический процесс развития общества, государства и права допускает возможность не только дифференциации, но и интеграции различных социальных норм в единое целое. Ярким примером

является шариат, который состоит из трех частей: религиозной догматики, этики и практических норм¹³. Иными словами, исламское право — это не только и не столько правовые, а прежде всего комплекс взаимосвязанных религиозных, моральных и юридических правил.

В контексте наших рассуждений приведем мнение Ю.А. Тихомирова, который указывает на возможность и необходимость комплексного регулирования в связи с внедрением цифровизации. В частности, он пишет, что проведение цифровизации расширяет границы и объем правового регулирования внутри и вне государства; виртуальное пространство предполагает формирование комплексного нормативного массива, состоящего из правовых норм, этических норм, технических регуляторов¹⁴.

Природа общественных отношений такова, что комплексный нормативный массив требуется не только в связи с современным техническим прорывом. Комплексность регулирования заметно ощущается в государственном управлении, градостроительстве, медицине, образовании и ряде иных сфер. Таким образом, появление права как комплексного явления может быть обусловлено действием различных факторов.

Высказываем предположение о том, что комплексный характер права, включающий в себя не только юридические, но и ряд иных социально-правовых норм, ведет к появлению многомерного правопорядка, т.е. такого порядка, который гарантируется государством и образуется в результате согласованного действия комплекса социальных и технических норм, формирующих своеобразную «нормативную экосистему».

Право как многомерный правопорядок представляет собой сочетание различных регуляторов, используемых для установления порядка в определенной сфере жизнедеятельности общества. В основе установления и обеспечения правопорядка лежит идея единой неразрывной связи норм права с моральными, религиозными, корпоративными и техническими нормами.

Право и правопорядок выступают как единое целое, но в этом единстве объективно существует специализация сфер действия норм. Считаем возможным использовать аналогию с принципом разделения властей. Этот принцип исходит из единства власти и ее разделения. Законодательная, исполнительная и судебные ветви являются лишь отдельными ответвлениями единой государственной власти.

¹³ См.: Кулиев Д. Т. Шариат и фикх: понятие, источники и соотношение // Исламоведение. 2020. № 1. С. 23.

¹⁴ См.: Тихомиров Ю.А. Креативные регуляторы в правовом и виртуальном пространстве // Журнал рос. права. 2023. № 3. С. 10.

Аналогичная логика может быть применена и к праву. Право как правопорядок представляет собой единое целое, которое в то же время складывается из комплекса норм: юридических, моральных, корпоративных, религиозных, технических.

Правопорядок нельзя рассматривать исключительно как правовое явление, он обладает двойственной социально-правовой природой. В этой связи, достижение определенных социальных изменений в обществе с необходимостью требует вклинивания в правовое регулирование иных регуляторов. Порядок становится многомерным. Категория «мера» позволяет говорить об установлении и поддержании порядка за счет различных по своей природе моделей и масштабов поведения: правовых, моральных, корпоративных, технических, религиозных. Возникает специфический симбиоз, выражаясь современным языком, «нормативная экосистема», в которой отсутствие какого-либо компонента вызывает неустойчивость всей системы. У каждого вида норм, обеспечивающих правопорядок, существует свое относительно независимое направление воздействия, так сказать, своя специализация.

Так, религиозно-правовые нормы позволяют учесть важные культурные особенности отдельных этнонациональных групп, обеспечить их бесконфликтное и мирное сосуществование с другими группами в рамках единого социума, при этом полное исключение религиозно-правовых норм из правовой системы по ряду причин является невозможным.

Весьма интересным представляется вывод Р.С. Сюкийянен о том, что шариат при определенных условиях совместим с современным российским правом. В частности, рассматривая взаимодействие шариата с российским правом, он указывает на такие формы, как: 1) прямое включение шариата в российское право, к примеру, законодательством Республики Татарстан закрепляется институт вакуфного имущества¹⁵; 2) общая ссылка на исторические и местные традиции, содержащейся в ряде актов; 3) реализация предписаний шариата в рамках отдельных диспозитивных норм российского законодательства, примером может служить оформление сделок исламскими страховыми компаниями либо выпуск исламских банковских карт или ценных бумаг¹⁶.

Нравственно-правовые нормы также занимают важную нишу в правовой системе, формируя необходимые (а в ряде случаев повышенные) требования к поведению граждан и должностных лиц.

В этой связи важное значение приобретают т.н. профессионально-этические нормы.

Обратим внимание на то, что нравственные нормы получают свое закрепление не только в форме кодексов профессионально-этических норм¹⁷, но и непосредственно в законодательстве. Так, ст. 18 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О государственной гражданской службе Российской Федерации»¹⁸ устанавливает требования к служебному поведению, в числе которых есть положения, которые отражают профессионально-этические нормы. К примеру, исполнять должностные обязанности добросовестно, на высоком профессиональном уровне; не совершать поступки, порочащие его честь и достоинство; проявлять корректность в обращении с гражданами.

Фактически профессионально-этические нормы выходят за рамки исключительно нравственных норм и приобретают определенное правовое значение. Косвенным подтверждением этому может служить смешение моральной и дисциплинарной ответственности за нарушение профессионально-этических норм. Примером, свидетельствующим о наступлении правовых последствий за нарушения этических норм, может служить ст. 14 Федерального закона от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания»¹⁹, которая устанавливает возможность досрочного прекращения полномочий члена общественной наблюдательной комиссии в случае грубого нарушения Кодекса этики.

М.И. Клеандров справедливо указывает, что различие между этической (не правовой) и дисциплинарной (правовой) ответственностью существует далеко не всегда, во всяком случае не всегда четко обозначено, более того, обычно оно отсутствует²⁰. Ученый обращает внимание на редакцию положения п. 1 ст. 12¹ Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», которая фактически допускает полное отождествление

¹⁷ См., напр.: приказ ФСИН России от 11.01.2012 № 5 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников и федеральных государственных гражданских служащих уголовно-исполнительной системы» // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2012. № 4.

¹⁸ См.: СЗ РФ. 2004. № 31, ст. 3215.

¹⁹ См.: СЗ РФ. 2008. № 24, ст. 2789; 2022. № 50 (ч. III), ст. 8792.

²⁰ См.: Клеандров М.И. О единой «линейке» регулирования ответственности за право- и нормонарушения // Государство и право. 2022. № 10. С. 11.

¹⁵ См.: Сюкийянен Л.Р. Указ. соч. С. 8.

¹⁶ См.: там же. С. 25.

этической (не юридической) и дисциплинарной (правовой) ответственности судьей²¹.

Проанализированные М.И. Клеандровым проблемные вопросы отождествления нравственной и дисциплинарной ответственности свидетельствуют о высокой интеграции правовых и моральных норм в единый комплекс социо-нормативного регулирования.

Корпоративные нормы также тесно связаны с правовым регулированием. Так, анализируя субъектов правотворчества в парадигме юридического позитивизма, В.А. Толстик указывает, что коммерческие и некоммерческие организации, которые, не являясь государственными организациями, могут принимать не только нормативные, но в отдельных случаях и нормативные правовые акты. При этом полномочиями осуществлять правовое регулирование отдельных видов общественных отношений в пределах соответствующей организации они наделяются государством, и никак иначе. Так, право работодателей принимать локальные нормативные акты, содержащие нормы права, обусловлено ст. 8 ТК РФ; право образовательных организаций — положениями ч. 1 ст. 30 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»; право саморегулируемых организаций разрабатывать и утверждать стандарты и правила предпринимательской или профессиональной деятельности — ст. 4 Федерального закона «О саморегулируемых организациях». В.А. Толстик приходит к выводу о том, что аналогичным образом вопрос наделения коммерческих и некоммерческих организаций правотворческими полномочиями решается во всех иных случаях²².

Следует также отметить, что коммерческие и некоммерческие организации активно подключаются к выполнению социальных задач государства, в одном случае в рамках собственной инициативы, в другом — на основе правовых норм. Речь, в частности, идет о практике общественного содействия лицам, находящимся в местах лишения свободы, а также возможности оказывать государственные услуги²³. Можно спрогнозировать расширение сферы доверия между государством и гражданским обществом, в том числе за счет увеличения масштабов нормативного правового регулирования. Обратим внимание на то, что публичные корпорации, несмотря на то что не являются органами государственной либо публичной власти, уже имеют возможность

издавать нормативные правовые акты²⁴. В этой связи, правотворчество уже фактически носит поли-субъектный характер, что обусловливается идеями практической целесообразности.

Специфика технико-правовых норм связана с обеспечением безопасности, комфорта и прогресса в общественных отношениях. В теории права принято различать социальные и технические нормы, их смешение вроде бы недопустимо. К примеру, разве можно считать правом технические требования к составу и сроку годности молока либо разнообразные требования к строительству жилых зданий? На первый взгляд — нет, это исключительно технические нормы. Однако возникает другой вопрос: насколько необходимы для правопорядка эти технические требования? Может ли правопорядок без них обойтись? Ответ также очевиден и носит отрицательный ответ. Многие технические нормы имеют важнейшее значение для обеспечения безопасности человека, общества и государства. При этом, выступая техническими по своим внешним признакам (поскольку не регулируют поведение в системе «человек—человек»), они имеют важную правовую сущность, о чем довольно ярко свидетельствуют бланкетные нормы административного и уголовного законодательства с соответствующими санкциями.

На это обстоятельство указывает В.Б. Исаков: технические нормы могут быть рассмотрены в качестве юридических, поскольку имеют уголовно-правовые, административно-правовые, дисциплинарные и гражданско-правовые санкции²⁵. Нормы, которые обладают одновременно признаками и технических, и юридических норм, следует называть технико-юридическими нормами²⁶.

В этой связи представляется справедливым суждение, что техническое регулирование в части определенных стандартов и эталонов неизбежно является одновременно и частью правового регулирования. Считаем обоснованным мнение В.Н. Синюкова, который отмечает, что современная ситуация ведет к тому, что право вплотную приблизилось к включению в свой непосредственный предмет закономерностей природы и новых

²⁴ См., напр.: приказ Госкорпорации «Роскосмос» от 06.09.2016 № 176 (ред. от 19.01.2023) «Об утверждении Регламента осуществления Государственной корпорацией по космической деятельности «Роскосмос» ведомственного контроля в сфере закупок для обеспечения федеральных нужд» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 29.09.2016, номер опубликования 0001201609290023.

²⁵ См.: Исаков В.Б. Преемственность правовых норм в сфере технического регулирования // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 186, 187.

²⁶ См.: там же. С. 188.

²¹ См.: Клеандров М.И. Указ. соч. С. 14.

²² См.: Толстик В.А. Указ. соч. С. 154, 155.

²³ См.: Теория и метатеория юридической техники: от правосознания к правопорядку / под ред. А.В. Аверина, М.Л. Давыдовой. Владимир, 2022. С. 131, 132.

виртуальных и биологических состояний человека. В правовое регулирование интегрируется методология техники и искусственного языка техники, что ведет к существенному прониканию границ между социальными и техническими нормами²⁷. Весьма интересно предположение В.Б. Исакова о том, что поскольку технические нормы есть в каждой отрасли права, то эти нормы «не надо “тащить” в отдельные особые документы технического регулирования: их место — в комплексных отраслевых актах, к ним они тяготеют»²⁸.

Таким образом, хотелось бы акцентировать внимание на трех важных положениях: 1) социально-правовые нормы объективно существуют и являются частью механизма правового регулирования; 2) эти нормы входят в правовое регулирование посредством либо прямого, либо «молчаливого» согласия государства; 3) социально-правовые нормы оказываются неразрывны с привычными нормами права, образуя своеобразный симбиоз права как комплексной «нормативной экосистемы».

Таким образом, право как правопорядок неизбежно становится интегративным феноменом, сочетающим в себе различные по своей природе регуляторы, принятие и реализация которых необходима для достижения правовых и социальных целей.

Логика наших рассуждений неизбежно приводит к вопросу о том, можно ли социальные нормы считать правовыми. Этот вопрос представляется довольно сложным. Перед нами явная биполярность, дуализм социальных регуляторов. Хотелось бы привести аналогию с таким физическим явлением, как свет. Общеизвестно, что в одних случаях он проявляется себя как волна, а в других — как частица. Подобная аналогия представляется допустимой и к социальным нормам. Более того, юридическая наука не отрицает двойственной, социально-правовой природы многих правовых явлений, в том числе и правопорядка. К примеру, источник права может пониматься не только в формальном, но и материальном смысле. Таким образом, если правовые явления рассматриваются как социально-правовые, то почему нельзя рассматривать в этом же контексте и социальные явления и нормы.

Представляется, что в случае, если корпоративные, моральные, религиозные, технические нормы оказываются вовлеченными в сферу правопорядка, эти нормы следует рассматривать в качестве двойственных явлений, т.е. корпоративно-правовых, морально-правовых норм и т.д.

Право в этом контексте — это не столько нормы, сколько правопорядок, обеспечиваемый комплексом

²⁷ См.: Синюков В.Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // *Lex russica* (Русский закон). 2021. № 2. С. 16.

²⁸ Исаков В.Б. Указ. соч. С. 189.

собственно правовых и социально-правовых норм. Многообразие и взаимозависимость норм обуславливаются характером общественных отношений, потребностями и целями общественного развития.

От права и от государства зависит своевременное делегирование государственным и негосударственным субъектам создавать либо использовать нормы, обеспечивающие порядок и развитие общества. Правопорядок становится многомерным и разноуровневым.

Вопросы дифференциации социального регулирования от мононорм к разветвленной системе социальных регуляторов и их интеграцию в единый комплекс следует воспринимать как неотъемлемую часть естественно-исторического развития общества. Следует согласиться с мнением А.В. Аверина в том, что возникновение права как социального регулятора происходит постепенно и, что вполне очевидно, не на пустом месте, но в отсутствие самого права. Его возникновение является результатом действия природных закономерностей, которые могли проявиться при стечении определенных обстоятельств²⁹.

В.В. Кожевников справедливо указывает, что сущность права — это не статичная категория — она динамична, изменяется, развиваясь под воздействием различных причин, движущих сил. Соответственно, не являются константными и рамки сущности права, которая, развиваясь, порождает новые связи, отношения, охватывая все более широкие явления. Задача теоретического познания права состоит в проникновении в эти новые связи и явления, в уяснении новых отношений. Таким образом обнаруживается богатство сущности права, что в первую очередь доказывается фактами позитивного социального значения, возникшими вследствие действия (влияния) права, а также новыми явлениями в самом праве, также претерпевшем определенные изменения под воздействием тех или иных социальных факторов. Этот процесс обогащения, развития сущности права бесконечен, неисчерпаем и непрерывен³⁰.

Степень интеграции права и иных социальных норм может иметь различный характер. К примеру, в период Средневековья (а также в арабских государствах на современном этапе) заметно ощущается единство правовых и религиозных начал в правовом регулировании. Право и религия выступали единым целым. Последующий эволюционный

²⁹ См.: Аверин А.В. Справедливость и правопонимание, или Об аргументах «уязвимости» концепции правопонимания профессора М.И. Байтина // *Сущность права: сб. ст. к 100-летию со дня рождения профессора М.И. Байтина* / под ред. В.М. Баранова, С.А. Белоусова, И.Н. Сенякина. Саратов, 2022. С. 8.

³⁰ См.: Кожевников В.В. Сущность как качественное состояние развитого права // Там же. С. 123.

путь дистанцировал религиозные нормы от правовых, но это не означает игнорирование возможности их интеграции (в той или иной части) в будущем. К примеру, еще в 2014 г. в средствах массовой информации появились сообщения о дополнении правовой системы Великобритании законами шариата³¹. Отметим, что данный феномен даже стал предметом научного анализа в отдельных работах российских ученых³².

* * *

В заключение отметим, что комплексность права — это явление, имеющее объективные исторические предпосылки, отсутствие которых обуславливает «юридическую чистоту» правовых норм, и, наоборот, с появлением необходимых объективных и субъективных причин право как регулятор становится комплексным явлением, сочетающим в себе как собственно юридические, так и иные социальные нормы, которые приобретают правовой характер.

Характерными чертами права как правопорядка являются: 1) прямая либо опосредованная (за счет санкционирования либо делегирования) связь норм с государством, которое гарантирует их реализацию; 2) целью принимаемых либо поддерживаемых государством норм является установление правопорядка за счет действия «нормативной экосистемы» собственно юридических, корпоративно-правовых, нравственно-правовых, религиозно-правовых и технико-правовых норм; 3) социально-правовая сущность правопорядка обуславливает его многомерность, одновременную принадлежность различным сторонам и сферам жизнедеятельности общества, что позволяет достигать стабильности общества, создавать условия для его прогрессивного развития.

Сформулированные тезисы интегративного нормативного понимания права отличаются высокой дискуссионностью. Вместе с тем выражаем надежду, что их возможное дальнейшее, в том числе и критическое, обсуждение будет иметь положительное значение как для понимания права, так и для развития теории правопорядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аверин А. В.* Справедливость и правопонимание, или Об аргументах «уязвимости» концепции правопони-

³¹ См.: *Подервянский Р.* Правовую систему Великобритании впервые пополнили законы шариата. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1068410> (дата обращения: 28.12.2023).

³² См.: *Голованова Н. А.* Шариатские суды в Великобритании: параллельная правовая система или религиозный арбитраж? // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3 (64).

- мания профессора М. И. Байтина // Сущность права: сб. ст. к 100-летию со дня рождения профессора М. И. Байтина / под ред. В. М. Баранова, С. А. Белоусова, И. Н. Сенякина. Саратов, 2022. С. 8.
2. *Байтин М. И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 54, 60, 62, 74.
  3. *Голованова Н. А.* Шариатские суды в Великобритании: параллельная правовая система или религиозный арбитраж? // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3 (64).
  4. *Исаков В. Б.* Преемственность правовых норм в сфере технического регулирования // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 186–189.
  5. *Кельзен Г.* Чистое учение о праве / пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лёзова. 2-е изд. СПб., 2015. С. 46, 48, 68, 241, 246.
  6. *Клеандров М. И.* О единой «линейке» регулирования ответственности за право- и нормонарушения // Государство и право. 2022. № 10. С. 11, 14.
  7. *Кожевников В. В.* Сущность как качественное состояние развитого права // Сущность права: сб. ст. к 100-летию со дня рождения профессора М. И. Байтина / под ред. В. М. Баранова, С. А. Белоусова, И. Н. Сенякина. Саратов, 2022. С. 123.
  8. *Кулиев Д. Т.* Шариат и фикх: понятие, источники и соотношение // Исламоведение. 2020. № 1. С. 23.
  9. *Лазарев В. В.* Юридическая наука в свете перспектив цифровизации // Журнал рос. права. 2023. № 2. С. 14.
  10. *Подервянский Р.* Правовую систему Великобритании впервые пополнили законы шариата. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1068410> (дата обращения: 28.12.2023).
  11. *Синюков В. Н.* Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex russica (Русский закон). 2021. № 2. С. 16.
  12. *Сюкияйнен Л. Р.* Совместим ли шариат с современным российским правом? // Право. Журнал ВШЭ. 2014. № 3. С. 8, 10, 11, 25.
  13. Теория и метатеория юридической техники: от правознания к правопорядку / под ред. А. В. Аверина, М. Л. Давыдовой. Владимир, 2022. С. 131, 132.
  14. *Тихомиров Ю. А.* Креативные регуляторы в правовом и виртуальном пространстве // Журнал рос. права. 2023. № 3. С. 10.
  15. *Толстик В. А.* Субъекты правотворчества в парадигме юридического позитивизма // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. № 2. С. 154, 155.

REFERENCES

1. *Averin A. V.* Justice and legal understanding, or On the arguments of the “vulnerability” of the concept of legal understanding of Professor M. I. Baitin // The essence of law: collection of articles on the 100th anniversary of the birth of Professor M. I. Baitin / ed. by V. M. Baranov, S. A. Belousov, I. N. Senyakin. Saratov, 2022. P. 8 (in Russ.).

2. *Baitin M.I.* The essence of law (Modern normative legal understanding on the verge of two centuries). Saratov, 2001. Pp. 54, 60, 62, 74 (in Russ.).
3. *Golovanova N.A.* Sharia courts in the UK: a parallel legal system or religious arbitration? // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2017. No. 3 (64) (in Russ.).
4. *Isakov V.B.* The continuity of legal norms in the field of technical regulation // Legal technology. 2011. No. 5. Pp. 186–189 (in Russ.).
5. *Kelsen G.* Pure doctrine of law / transl. from German by M.V. Antonov and S.V. Lezov. 2nd ed. SPb., 2015. Pp. 46, 48, 68, 241, 246 (in Russ.).
6. *Kleandrov M.I.* On the unified “line” of regulation of liability for legal and norm violations // State and Law. 2022. No. 10. Pp. 11, 14 (in Russ.).
7. *Kozhevnikov V.V.* Essence as a qualitative state of developed law // The essence of law: collection of articles on the 100th anniversary of the birth of Professor M.I. Baytin / ed. by V.M. Baranov, S.A. Belousov, I.N. Senyakin. Saratov, 2022. P. 123 (in Russ.).
8. *Kuliev D.T.* Sharia and Fiqh: concept, sources and correlation // Islamic Studies. 2020. No. 1. P. 23 (in Russ.).
9. *Lazarev V.V.* Legal science in the light of the prospects of digitalization // Journal of Russ. law. 2023. No. 2. P. 14 (in Russ.).
10. *Podervyansky R.* Sharia law was added to the legal system of Great Britain for the first time. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1068410> (accessed: 28.12.2023) (in Russ.).
11. *Sinyukov V.N.* The law of the XX and XXI centuries: continuity and novelty // Lex russica (Russian law). 2021. No. 2. P. 16 (in Russ.).
12. *Sukiyainen L.R.* Is Sharia compatible with modern Russian law? // Law. HSE Journal. 2014. No. 3. Pp. 8, 10, 11, 25 (in Russ.).
13. Theory and metatheory of legal technology: from legal awareness to law and order / ed. by A.V. Averin, M.L. Davydova. Vladimir, 2022. Pp. 131, 132 (in Russ.).
14. *Tikhomirov Yu. A.* Creative regulators in the legal and virtual space // Journal of Russ. law. 2023. No. 3. P. 10 (in Russ.).
15. *Tolstik V.A.* Subjects of lawmaking in the paradigm of legal positivism // Scientific Herald of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 2. Pp. 154, 155 (in Russ.).

Сведения об авторе

Свинин Евгений Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин Вологодского института права и экономики ФСИН России; 160002 г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2
ORCID: 0000-0003-2866-651X

Authors' information

SVININ Evgeny V. – PhD in Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of State and Legal Disciplines, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia; 2 Shchetinin str., 160002 Vologda, Russia